

Женщины без мужчин:
судьбы старообрядок Верхокамья
в середине XX в.,
христианство и компромисс

Наталья В. Литвина

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, tartalja@mail.ru*

Аннотация. Верхокамье считается одним из самых изученных регионов старообрядческих регионов. Исследовательский интерес долгое время был сосредоточен на проявлениях высокой духовной и насыщенной материальной культуры. Однако в XX веке в регионе происходили сложные трансформации, под воздействием которых менялись не только социальные роли, но и их религиозная оценка. В статье рассматриваются несколько женских стратегий самоопределения в жизни («соборная», «непутевая», «подруга»), а также выработка компромиссных оценок каждой категории старообрядческим обществом.

Ключевые слова: Верхокамье, старoverы-беспоповцы, гендерные исследования, женские стратегии

Для цитирования: Литвина Н.В. Женщины без мужчин: судьбы старообрядок Верхокамья в середине XX в., христианство и компромисс // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 2. С. 82–93. DOI: 10.28995/2658-4158-2021-2-82-93

Women without men.
The fate of the Old Believers of Upper Kama region
in the middle of the 20th century,
Christianity and compromise

Natalia V. Litvina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, tartalja@mail.ru

Abstract. Upper Kama region (Verkhokamyje) is considered as one of the most studied regions of the Old Believers. The research interest has long been focused on the manifestations of a high spiritual and rich material culture.

However, in the 20th century, the region underwent complex transformations. As a result social roles changed and also their religious assessment. The article considers several women's strategies of self-determination in life ("the synodic", "wayward", "girlfriend/mate"), as well as the development of compromise assessments of each category by the Old Believers society.

Keywords: Upper Kama region (Verkhokamyë), Old Believers-Bespovovtsy, gender studies, women's strategies

For citation: Litvina, N.V. (2021), "Women without men. The fate of the Old Believers of Upper Kama region in the middle of the 20th century, Christianity and compromise", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 80–93, DOI: 10.28995/2658-4158-2021-2-82-93

Верхокамье – достаточно хорошо изученный старообрядческий регион, историография которого за последние 45 лет включает не менее 10 монографий, более 300 научных статей и публикаций, в том числе несколько сборников статей, специально посвященных исследованию истории, книжности, фольклора, этнографии, традиционного хозяйства и других аспектов культуры этого региона¹. Однако долгое время пределы исследовательского внимания ограничивались базовым имиджем региона как примера полноты сохранности традиционной культуры, в основе которой лежит Книга, понимаемая как источник христианской мудрости и духовности. Несмотря на то что все участники экспедиций систематически фиксировали в полевых дневниках наблюдения, связанные с народным православием, вольной интерпретацией местной истории, целый ряд социальных коллизий в общинах, судьбы старообрядцев и многие иные детали, которые трудно поместить в рамки высокой духовности, попытки «приземлить» тематику исследований в 2000-е гг. вызвали острую полемику [Левкиевская, Богданов, Литвина, 2012, с. 476–491].

¹ См., например: Русские письменные и устные традиции и духовная культура: (по материалам археолог. экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). М., 1982. 318 с.; Рукописи Верхокамья XV–XX вв.: каталог: из собрания Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова / Е.А. Агеева, Н.А. Кобяк, Т.А. Круглова, Е.Б. Смилянская. М., 1994. 459 с.; Поздеева И.В., Макаровская М.В., Пряхина И.И. «Кому повею печаль мою...»: Духовные стихи Верхокамья: Исследования и публикации / Отв. ред. И.В. Поздеева. М., 2007. 332 с.; Мир вещей русских крестьян XIX–XX вв.: традиционная народная культура русского старообрядческого населения Верхокамья: из собрания Пермского краевого музея: каталог / С.А. Димухаметова. Пермь, 2010. 446 с.; Христоворова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010. 432 с.

Верхокамье – старинная область расселения староверов площадью около 25 кв. км, расположенная в Предуралье, в приграничье Пермского края и Республики Удмуртия. На самой границе, на территории села Кулига, находится исток реки Кама, которому регион обязан своим названием. Регион включает населенные пункты шести современных административных районов (Верещагинского, Сивинского, Очерского, Екатерининского Пермского края и Кезского, Балезинского Республики Удмуртия). В исторической ретроспективе регион располагался в юго-западной оконечности Перми Великой, что соответствует северо-западной окраине Оханского уезда Пермской губернии для XIX – начала XX в. До начала XX в. землевладельцами здесь были князья Всеволожские и промышленники графы Строгановы [Строгановы и Пермский край, 1992].

Заселение Верхокамья старообрядцами принято относить к самому концу XVII в., ко времени подавления стрелецкого бунта [Власова, 1989, с. 19–20]. В 1725 г. первые старообрядческие скиты на этой территории были разгромлены. Услышав о бедствующих братьях по вере, в Верхокамье отправились выговские отцы, от которых и ведут свое родословие местные старообрядцы². Таким образом, старообрядцы Верхокамья – беспоповцы-поморцы, руководимые духовниками/наставниками, которые избираются из *достойных* представителей общины. Эти избранные руководители, а также другие рядовые *достойные* представители общины по благословению наставников могут совершать только два таинства – крещение и исповедь.

В середине XIX в. в поморском старообрядческом обществе произошел конфликт, который описан в двух пространственных сочинениях о разделе, отражающих позиции двух противоборствующих сторон, положивших начало местным соглашениям «деминцев» и «максимовцев»³.

Конфликт описывается обеими сторонами как межличностный, причем участие в нем приняли как мужчины, так и женщины.

² Послание верхокамским старообрядцам. «Верительная грамота» для первого поморского учителя в Верхокамье Григория Яковлевича. Ок. 1731/1732 г. // Рукописи Верхокамья XV–XX вв.: Каталог. Из собрания Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1994. С. 234–235.

³ Деминский подлинник о разделе (1889 г.); Максимовский подлинник о разделе (конец XIX – начало XX в.) // Материалы к истории старообрядчества Верхокамья по итогам комплексных археографических экспедиций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Сборник документов / Отв. ред. В.П. Богданов, В.П. Пушкин. М., 2013. С. 81–109.

Однако развитие и умножение раздора на протяжении 20 лет, завершившееся окончательным разделением религиозного общества в 1888 г., позволяет искать его причины в экономическом расстройстве в среде крестьян-староверов в пореформенный период⁴. Вероятно, экономические причины – не единственный фактор усиления разногласий. В качестве дополнения к этому локальному контексту предлагаем учитывать и события, происходившие в XIX в. в поморском старообрядческом согласии. Так, в 1820–1840-е гг. от Москвы до Урала поморцами активно обсуждался «Чин брачный», составленный Г.И. Скачковым. Чин устанавливал порядок заключения «бессвященнословных» браков, т. е. без участия священника.

Как это могло отразиться на верхокамской полемике, можно только предполагать, достоверных письменных источников нет. Подчеркнем, что вопрос о браке для беспоповцев не просто важный, но во многом определяющий, особенно если учитывать историческую связь Верхокамья с Выговским поморским центром. Поморцы, не имея священников, до начала XIX в. не могли узаконить брак таинством венчания. В строгом христианском понимании создание семьи в таком случае неизбежно сопровождается грехом блуда. Осмысление беспоповцами этой проблемы привело к разделению беспоповцев на несколько согласий, каждое из которых придерживалось своих правил отлучения/допущения семейных пар от/до молитвенного общения.

В Верхокамье по крайней мере до 1930-х гг. было принято жениться «свадьбой», под которой подразумевается в первую очередь благословение родителей, а также череда публичных действий: свадебный поезд, подготовка к свадебному пиру и сам пир. Наставники/духовники на брак не благословляли и к свадьбе отношения не имели. Такая форма брака сложилась как вынужденная, под давлением надзорных органов и миссионерской деятельности господствующей церкви, склоняющей беспоповцев к принятию ее таинств. В то же время распутство, отраженное в документах приказчиков, действовавших по распоряжению

⁴ Поздеева И.В. Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). М., 1982. С. 61–62; Христофорова О.Б. Как Дёма и Максим подругу не поделили: раздел 1866–1888 гг. в устной истории старообрядцев Верхокамья // *Genius loci*: Сборник статей в честь 75-летия С.Ю. Неклюдова / Сост. М.В. Ахметова, Н.В. Петров, О.Б. Христофорова; отв. ред. О.Б. Христофорова. М.: Форум, 2016. С. 382–403.

графа С.Г. Строганова в 1840-х гг.⁵, упоминается и в «Подлиннике о разделе» наряду со стяжательством и корыстолюбием, т. е. с яркой негативной окраской⁶. Подлинник о разделе подчеркивает недопустимость для духовного лица, не будучи в браке, содержать при себе сожителей, а сам факт таких отношений описан как обыденный.

Так или иначе, раздел на два локальных согласия со своими строгими правилами стал фактором постепенного обособления верхокамских староверов от братьев по вере из других регионов. Раздел на два согласия способствовал консервации и до определенной степени архаизации системы запретов и бытовой стороны жизни, росту книжной грамотности и проповеди аскетизма.

Система жизни поморского верхокамского общества, окончательно сложившаяся не позднее конца XIX в., предполагает для староверов два статуса: «мирский» и «соборный». Соборный человек соблюдал целый ряд запретов, среди которых наиболее заметными являются пищевые, увеличивал домашнее моление и отмаливал милостыню. Соборными могли быть отроки и молодежь до замужества, а затем взрослые и пожилые люди, которые могли принять всю строгость запретов и необходимость исполнения духовных обязанностей. Мирский человек – обычно семейный, занятый хозяйством, работой и детьми. Мирские присутствовали не на всех молениях, если приходили, то стояли сзади, знаменовались крестным знаменем и кланялись иконам не одновременно, а после соборных, подавали соборным милостыню по усопшим родственникам. Мирских и соборных разделяла невидимая граница, в частности, они не должны были есть за одним столом, из одной посуды.

В советские годы жизнь местного старообрядчества начала изменяться под влиянием ряда обстоятельств. По Верхокамью прокатилась Гражданская война, вслед за которой староверы-поморцы пережили жестокое раскулачивание. К концу 1920-х гг. от колхозов стало невозможно уклоняться, единоличников фактически не

⁵ *Заваргин Гр.* Сведения о мерах борьбы с половой распущенностью среди населения Сепьчевского ведомства (24 декабря 1847 г.) // Материалы к истории старообрядчества Верхокамья по итогам комплексных археографических экспедиций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Сборник документов / Отв. ред. В.П. Богданов, В.П. Пушков. М., 2013. С. 55–56.

⁶ Деминский подлинник о разделе (1889 г.); Максимовский подлинник о разделе (конец XIX – начало XX в.) // Материалы к истории старообрядчества Верхокамья по итогам комплексных археографических экспедиций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова... С. 81–109.

осталось. Затем последовали преследования за веру, часть староверов была репрессирована, моления стали редкими и тайными. На рубеже 1930–1940-х гг. началось насильственное сселение деревень. А в 1941 г. пришла война. Известно, что из одного только Верещагинского района на фронт ушли более 8000 человек, среди которых было много старообрядцев. Точной статистики демобилизованных нет. Как описала нам это время старообрядка Окулина Архиповна Булдакова (1926 г. р.), из 18 парней, которые учились с ней в школе, вернулся только один, да и тот женился не на местной девушке.

На формирование более либерального отношения к жизненным женским стратегиям в Верхокамье повлияли все эти факторы, ключевым из которых является Великая Отечественная война.

Предвоенное поколение женщин 1910–1930-х гг. рождения при выборе своей судьбы опиралось на волю родителей и традиционную допустимость иного, не вполне «правильного» пути. Обобщим их рассказы о детстве. Ребенок как можно раньше встраивался в семейные хозяйственные циклы, подчиняясь авторитету отца или того взрослого, кто его заменил. Собственно воспитание строилось на обязанностях, запретах и допущениях. Посильный, а нередко и тяжелый труд детей и отроков/отроковиц в большинстве крестьянских старообрядческих семей играл более значимую роль, чем образование духовное. Редкие девочки, рожденные до революции или вскоре после нее, могли успеть пройти краткое (обычно не дольше одной зимы) обучение чтению Псалтири у грамотного старичка или старушки. Некоторых учили читать грамотные родители. Но в основном дети выучивали короткую Иисусову молитву, которая для многих до конца дней могла остаться единственной и достаточной. Девушки рано приобретали все необходимые в хозяйстве навыки, сохраняя в семье подчиненное положение. Это поколение женщин стало наиболее влиятельным хранителем веры и традиций приблизительно с 1980-х до 2000-х гг., времени активных экспедиций МГУ, именно их нарративы легли в основу обобщения вариантов выбора женской судьбы в середине XX в. и нескольких примеров, которые будут рассмотрены ниже.

Воля родителей для молодой девушки – старообрядки Верхокамья не всегда означала замужество и переход в семью мужа, хотя эта стратегия была самой распространенной. Иногда дочь могли отдавать замуж с условием привести мужа в дом жены – в «*привиаки*», так как в родительском доме нужен был работник.

Несколько раз мы записывали рассказы о том, что по причине тяжелой болезни родители маленькую дочку обещали отдать в «*старушьи девки*» – т. е. в собор, молиться всю жизнь и не выходить замуж. Нарушить такое обещание было почти невозможно: ребенок был обещан Господу.

Допустимыми традиционными стратегиями собственного выбора для «*девки*» (возраст и статус женщины подразумеваются в названии: «*девка*» – на выданье, «*молодуха*» – замужем, но без детей, «*баба*» – мать, чаще всего мать дочери) могло быть замужество «*убёгом*» – тайный побег по сговору с женихом, которому родители невесты выставили бы неприемлемые условия или отказали при сватовстве. Таким неприемлемым условием мог стать статус приймака, если парень имел собственное хозяйство или своих родителей, нуждающихся в работнике (и работнице). Отказать могли, если семья жениха имела плохую репутацию, а также если жених был другого согласия, т. е. невеста дёминская, а он максимовский или наоборот. Кроме того, помешать могла бедность жениха. Но случалось, что убёгом к бедному жениху невеста уходила с согласия родителей, так молодые экономили на организации свадьбы. Если девка ушла из дома убёгом, обычно спустя некоторое время молодая семья являлась к родителям невесты каяться и после символического наказания получала благословение.

По разным причинам и до середины XX в., но особенно после войны, старообрядка могла согласиться на жизнь «*с мужиком*» без благословения, это также входило в систему традиционно допустимых жизненных путей. Поясним, что в верхокамском дискурсе различаются понятия «*мужик*» и «*приятель*», «*кавалер*». (Неженатый молодой мужчина прежде и теперь зовется *парень*.) В местном говоре, как и во многих других, слово *мужик*, как и *хозяин*, означает «*муж*». Жизнь *с мужиком*, хотя и без благословения родителей, означает все же образование семьи, в этой ситуации и женщина, и мужчина до создания семьи являлись свободными. В глазах соседей такая женщина незначительно проигрывала в статусе молодой, получившей благословение. А *приятелем* или *кавалером* именуют женатого мужчину, который завел *подругу* помимо своей семьи.

Репутация женщины в Верхокамье напрямую зависит от наличия детей и аборт, а если детей нет – от присутствия/отсутствия мужчин в ее жизни.

Женщина без мужчины в Верхокамье в XX в. – это либо *соборная*, либо *непутёвая*, либо *подруга*.

Соборная

О том, что уже в середине XIX в. в составе каждого собора было много женщин, нам сообщают упомянутые «Подлинники о разделе». Однако управляли соборами до середины XX в. преимущественно мужчины, называемые духовниками или наставниками. Во время довоенных гонений на веру, по рассказам старообрядцев,

детей крестили уже преимущественно женщины-соборные. Роль женщин в соборах после войны постоянно росла по естественным причинам: число мужчин резко снизилось. К началу 1980-х гг. мужчин-духовников практически не осталось, среди соборных – единицы. Надо упомянуть и высокие моральные требования, которым должен был соответствовать духовник, сравнимые с требованиями к священнику в церкви. Соборный мужчина также должен был отказаться от разнообразных привычных грехов мирской жизни. Феминизация соборов внесла коррективы и в состав богослужения. На молении Евангелие женщине читать не положено, постепенно эта часть службы была совсем забыта. Споры вызывала необходимость женщине-духовнице осуществлять каждение красного угла. Эта часть богослужения никак не могла быть отменена, пришлось смириться, что на молении кадят женщины. Кроме того, мужчина по правилам не может исповедоваться женщине, даже имеющей благословение на духовное дело. Великим постом духовницы читают чин исповедания женам соборным старушкам, но положенную за грехи епитимью не назначают. Каждый знает, за какой грех какое покаяние полагается, и действует по своему усмотрению.

Евдокия Александровна Чадова, 1932 г. р., дёминская, никогда не выходила замуж. Ее отец ушел в армию перед войной, после демобилизации на родину не вернулся. У матери после ухода отца родилась еще одна дочка от кавалера. Евдокия Александровна смолоду любила молиться, замуж никогда не хотела и просила мать ее не выдавать. После окончания начальной школы она пошла помогать на ферму, потом стала дояркой и переставала быть соборной только потому, что трудно было на работе не смешиваться с мирскими в посуде и еде. В 1986 г. на духовное дело ее поставила также женщина-духовница дёминского собора Евдокия Федулаевна, «простоявшая на духовном деле» более 20 лет и также не выходившая замуж. Чтобы не взяли замуж, приходилось прибегать к уловкам. Например, Евдокия Федулаевна на глазах сватальщика выпила много браги, чтобы испортить мнение о себе. Евдокия Александровна церковной грамоте научилась у старушек в соборе. Одна из них велела ей читать Псалтирь так: каждую кафизму по 10 раз, чтобы самостоятельно понять смысл написанного. Эти две духовницы – пример осознанного следования духовному пути. Подобные люди в Верхотамье встречались достаточно редко.

Старушья девка, по сути, является соборной с детства и на всю жизнь, как, например, Е.А. Чадова, но эта судьба представляется ей решением, принятым за нее, а не сознательным выбором. Духовница максимовского собора Фотинья Семеновна Мальцева рассказывала, что в детстве, когда она болела, ее отец благословил в старушья девки, «если выживет». Когда она выросла и «вошла

в женскую пору», духовница сказала ей: «Детей носи, а замуж не ходи». Насколько возможно судить, опираясь на воспоминания наших старших респондентов, такой вариант женской судьбы во многом зависел от позиции духовницы. Перед войной в соборе, куда ходила Ф.С. Мальцева, духовницей была Марья Григорьевна, которая строго держала соборных девушек, не разрешая им выходить замуж. Фотинья Семеновна замуж не выходила, но «насобирала» троих детей.

Непутёвая

Непутевыми в Верхокамье могут назвать самых разных женщин. Если женщина осталась одна из-за череды каких-то событий, не вполне от нее зависящих, по причине врожденных дефектов, но какие-то мужчины в ее жизни бывали, ее могут назвать *непутевой* («*бестутой*») с жалостью. Если женщина в один период времени «*таскалась*» с несколькими мужиками, ее могут назвать *потаскухой* или прямо матерным словом. Вероятно, последний тип женщин с плохой репутацией исторически был всегда, относились к таким женщинам со смесью брезгливости, презрения и, в зависимости от сопутствующих судьбе обстоятельств, жалости. Репутация потаскухи перестала быть клеймом после войны. Женщина в глазах односельчан получила право выживать доступными ей способами, к тому же спрос на всех мужчин стал высоким: «за каждым мужиком бабы бегали». Если непутевая женщина не делала аборт и родила всех детей, которых дал ей Господь, это само по себе служило оправданием ее поведения. В таком случае даже известная всем потаскуха, пойдя в собор, могла в 2000-х гг. стать духовницей. И мирские, и соборные односельчане учитывали и разделяли ее прежнюю мирскую репутацию и существующий духовный статус.

Подруга

Случаи, когда женщина становилась подружкой параллельно с женой, в Верхокамье зафиксированы и в XIX в. [Христофорова, 2013, с. 322–323]. Но война в середине XX в. стала оправданием для всех трех участников подобной жизненной стратегии – подружки, кавалера/мужа и его «*коренной*» жены.

В мирский, активный, трудовой период жизни в Верхокамье как женщины, так и мужчины зачастую отдалялись от собора, от моления и регулярной исповеди, допуская разного рода грехи. Решение духовных проблем они оставляли на потом, когда придет

время пойти в собор и со всей строгостью разобраться в прожитой в миру жизни. В течение второй половины XX в. понятия греха, покаяния и вообще соборной жизни претерпевают изменения под влиянием внешних обстоятельств.

Ситуации, в которых мужчина заводил себе подругу, могли быть самыми разными. Например, О.А. Булдакова (1926 г. р.) рассказывала, что у нее с кавалером в юности была любовь, но, когда пришла пора жениться, она уехала работать на завод, и парень выбрал другую. Сошлись они, когда она ушла от «второго мужика» (мужа), с которым их разлучила свекровь. От своего любимого кавалера в подругах она родила двоих детей.

Рано или поздно жена узнавала о том, что муж завел подругу. Как правило, жены относились к подобной ситуации с терпением. Эта практика была довольно распространенной, а мужчина в семье хозяин и спорить с ним не положено. Так описывает роль женщины в семье в предвоенные и послевоенные годы О.А. Булдакова: «В большинстве семей мужики руководят, а не баба хозяйка. Мы с отцом росли, мама не знала, сколько денег у отца. Никогда. Деньги все у отца были. Мы просим, платье нам надо купить, мама говорит: просите у отца. Это сейчас закон колхозный – бабы деньги держат. А я с Гришей жила, со Степаном была, деньги у меня были, но я не смела соль купить».

Бывало, что жены относились к подругам снисходительно еще и потому, что понимали других женщин: «У нас 40 домов деревня была, девки из-за войны большинство без мужиков остались, абортов никто не делал». Нередко считали, что подруга подманила мужа к себе при помощи колдовства. Свою семью мужчины из-за подруг не бросали, подруг не афишировали, хотя многие соседи знали о них или догадывались. Считалось, что дети подруги всегда похожи на кавалера. Подруга с детьми могла существовать в качестве второй семьи очень долго. Бывали случаи, когда жена и подруга приходили друг к другу на выручку в разного рода хозяйственных и житейских ситуациях. Дети жены и дети подруги чаще всего знали друг о друге, но не общались. Подруга отчество своих детей могла записать по имени кавалера или по имени своего отца.

Если подруга соблюдала верность своему кавалеру, в верхокамском сознании она оставалась безгрешной: кавалеру не изменяла, аборт не делала. Нам, расспрашивающим о жизни, такая женщина могла сказать: «я безгрешная», а на вопрос, откуда дети, ответить «в капусте насобирала».

О.А. Булдакова о грехе рассуждала так: «Родить без мужа – нисколько не грешно. Не грешно. Не грешно рожать, а аборт делать грешно. От мужа сгуляешь, родишь – вот это грех».

Кавалера старались заводять такого, который мог помочь по хозяйству, потому что женщине в деревне одной жить трудно, «надо голову большую иметь: надо усадьбу обработать, надо починить что-то, а приходящие такие мужики есть – только попить да поесть послать».

Исторические события первой половины – середины XX в. в меньшей степени повлияли на спектр вариантов жизненного выбора верхокамских женщин-старообрядок, в большей – привели к дальнейшей трансформации религиозного сознания: либерализации отношения к греху и, соответственно, покаянию. Сформировалось устойчивое общеверхокамское понимание женских грехов – это аборт и измена мужу. Блуд из категории абсолютной – смертный грех – переведен в сравнительную, учитывающую все нюансы и обстоятельства жизни. Дети в этой системе являются оправдывающей все, абсолютной ценностью. К новым реалиям подстроилась и религиозная исповедально-епитимейная система.

Литература

- Левкиевская, Богданов, Литвина 2012 – *Левкиевская Е.Е., Богданов В.П., Литвина Н.В.* Рец. на книгу: *Христофорова О.Б.* Колдуны и жертвы: антропология колдовства в современной России (М.: ОГИ, РГГУ, 2010. 432 с.) // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 476–491.
- Строгановы и Пермский край 1992 – Строгановы и Пермский край: сборник материалов научной конференции. Пермь, 1992. 159 с.
- Власова 1989 – *Власова И.В.* Заселение Северного Приуралья и формирование русского сельского населения // На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 19–20.
- Христофорова 2013 – *Христофорова О.Б.* «Худенька рубашка, да и то переменка»: жены и «подруги» в жизни верхокамских мужчин в XX в. // Визуальное и вербальное в народной культуре: Тезисы и материалы международной школы-конференции – 2013. М., 2013. С. 322–323.

References

- Khristoforova, O.B. (2013), “‘A thin shirt, and even then a change’: wives and ‘girlfriends/ mates’ in the life of Verkhokamsky men in the 20th century”, in *Vizualnoe i verbalnoe v narodnoi kulture: Tezisy i materialy mezhdunarodnoi shkoly-konferencii – 2013* [Visual and Verbal in Popular Culture: Abstracts and Materials of the International School-Conference], Moscow, Russia, pp. 322–323.
- Levkievskaya, E.E., Bogdanov, V.P. and Litvina, N.V. (2012), “Recenzii na knigu Hristoforova O.B. Kolduny i zherty: antropologiya koldovstva v sovremennoi

Rossii (Moscow: OGI, RGGU, 2010. 432 p.) [Reviews of the book by Khristoforov O.B. Sorcerers and Victims: the Anthropology of Witchcraft in Modern Russia], *Antropologicheskii forum*, no. 16, pp. 476–491.

Stroganovy i Permskij kraj: sbornik materialov nauchnoj konferencii [Stroganovs and Perm region: collection of materials of the scientific conference] (1992), Perm, Russia.

Vlasova, I.V. (1989), "Settlement of the Northern Urals and the formation of the Russian rural population", in *Na putyah iz zemli Permskoj v Sibir'. Ocherki etnografii severnouralskogo krestyanstva XVII–XX vv.* [On the paths from the Perm land to Siberia: Essays on the ethnography of the North Ural peasantry of the 17th – 20th centuries], Moscow, Russia, pp. 19–20.

Информация об авторе

Наталья В. Литвина, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; tartalia@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Litvina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 27, Lomonosovsky Av., Moscow, 119991, Russia; tartalia@mail.ru